

обходимы три «бан»: «дзибан» (контроль над рычагами власти на местах, в избирательном округе), «канбан» (узнаваемая фамилия) и «кабан» (финансы). Обладание этими тремя «банами» автоматически приводит к избранию в ряды законодателей. Огромнейшую роль в этом играют ассоциации поддержки, организующие сбор средств в фонд кандидата и его рекламную кампанию. С наследственными парламентариями этот процесс оказывается проще. Ведь у них уже есть налаженные связи в финансовой среде, поэтому подобные кандидаты редко проигрывают.

Примечание

¹ Рожденные управлять? // Япония сегодня. 2000. № 8. С. 23.

2. ИСТОРИКИ

Т.А. Сидорова

ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОРИК ФРЕДЕРИК УИЛЬЯМ МЕЙТЛЕНД

Исследователи XXI века будут в лучшем положении, чем мы, чтобы вынести вердикт о важнейших достижениях жизненного труда Ф.У. Мейтленда, как мы сейчас имеем более веские основания говорить о Сельдене и Блэкстоуне, нежели их современники.

Юристы, историки и социологи обязаны Мейтленду в равной степени: юристы – предметом исследования, историки – методами, социологи – результатами.

П.Г. Виноградов¹

Известность и неизвестность историка – величины переменные. Зыбкость и подвижность критериев этих понятий позволяют едва ли не каждому новому поко-

лению исследователей выносить собственные суждения о степени авторитетности историка и актуальности его наследия.

Неизбежное «старение» идей, теорий, подходов, техники и методики изучения исторического прошлого тех, кто трудился на ниве историописания задолго до начала третьего тысячелетия, обеспечивает возможность слишком легковесных и подчас излишне категоричных оценок вклада и достижений наших близких и далеких предшественников.

Нередко решающим фактором в формировании отношения к историку становится стремление достичь сиюминутных целей и результатов, продиктованное честолюбивыми амбициями, конъюнктурными соображениями, модными веяниями или извечным прессингом времени, его цейтнотностью, препятствующими глубокому проникновению в содержание исторического наследия и бережному отношению к памяти и автору. В любом случае это проблема современников, проблема внутреннего императива и нравственного выбора.

Критерии измерения степени известности историка многообразны, но не универсальны. К ним можно отнести количество опубликованных трудов и рецензий на них, численность учеников и последователей, создание научной школы или направления в историографии, отношение коллег, широту читательской аудитории и популярность, отточенность литературного стиля, аналитичность, наличие солидной источниковой базы, постановку крупных научных проблем и фундаментальность выводов. Этот перечень, несомненно, можно продолжить, но вряд ли он будет исчерпывающим.

Примеров, опровергающих и подтверждающих правомерность указанных критериев известности в истории исторической науки, предостаточно.

Знаменитый англичанин – виг лорд Актон (1834–1902 гг.) не оставил своей школы, не имел учеников, не написал ни одной книги², что никак не отразилось на его колоссальной общепризнанной известности, прижизненной и посмертной. Дж. Актон оказал огромное влияние на развитие американской и английской историографии. Исследовательский интерес к его идеям не иссякал на протяжении всего XX в. Английский антиковед – тори У. Митфорд (1743–1827 гг.), напротив, был исключительно плодовитым автором, 8-томная «История Греции» которого пользовалась огромной популярностью у читателей разных социальных кругов. Лорд Байрон считал его труд «лучшим из современных книг по истории Греции», а самого автора – «лучшим из всех современных историков»³. О нем Байрон упоминал в поэме «Дон-Жуан»:

«Мы сами ведь потомство – вы и я;
Кого же помним мы и понимаем?
Весьма немногих, милые друзья!
Мы – на двадцатом имени хромаем!
За множество досадного вранья
Мы старого Плутарха упрекаем,
И Митфорд – современный грекофил –
Его ошибки ярко осветил»⁴.

Но вместе с завершением эпохи Французской революции конца XVIII в., породившей политизированный труд У. Митфорда, хотя и не лишенный исторических достоинств, угасла и известность британского историка, имя и наследие которого сохранили сугобо академический интерес.

Понятие «неизвестный» историк отличается не меньшей условностью и многоплановостью. «Неизвестным» может быть историк забытый, посредственный, узкоспециальный, не изученный или малоизученный в исторической науке в силу ряда обстоятельств.

Фредерик Уильям Мейтленд (1850–1906 гг.) – мэтр национальной историографии XIX в., один из крупнейших британских историков, родоначальник критического направления – историк известный и неизвестный одновременно.

Историографическое пространство, т.е. исследовательское поле, в котором наследие Ф.У. Мейтленда, его учеников и последователей подлежит анализу, либо упоминанию, не представляет собой пустыню. Но оно далеко не равнозначно освоено отечественными и зарубежными историографами.

Степень изученности творчества Ф.У. Мейтленда связана с особенностями развития отечественной историографии XX в. Но интерес к истории Англии и, следовательно, тем, кто ее писал, имеет в России глубокие корни. Он приобрел характер устойчивой традиции – англomanии – уже во времена Екатерины II⁵. В значительной степени этот интерес был детерминирован вступлением России на путь капиталистического развития, который предопределил неизбежность коренных преобразований общественного устройства. С точки зрения практических задач и заимствования опыта история Англии, старейшей капиталистической страны мира, обладала магической силой притяжения.

Исторические взгляды и научные приоритеты корифеев русского и основоположников советского англоведения Средневековья сложились задолго до Октября. Эклектики и плюралисты в теории, сторонники классической вотчинной концепции, принадлежавшие в основном к историко-экономическому направлению в медиевистике, М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, А.Н. Савин, Д.М. Петрушевский, так и не перешли на позиции марксистской методологии истории. Придавая существенное значение социально-экономическим факторам, они не отказались от рас-

пространенного в европейской науке второй половины XIX в. политико-юридического понимания сущности феодализма. То есть они отличали феодализм в «собственном смысле слова» от его экономических параметров. В их понимании феодализм сохранял свою сущностную первичную характеристику вассально-ленной системы. Тогда как вотчинно-манориальный строй, сеньориально-крестьянские отношения, натуральное хозяйство рассматривались в качестве экономического фона и выводились за рамки собственно феодализма. На базе вотчинной теории в конце XIX в. родилась концепция «двух феодализмов» – «политического» и «социального». Признание значимости юридического аспекта в определении феодализма сближало русских англоведов-медиевистов со многими британскими историками, в том числе с Ф.У. Мейтлендом. Эта близость в немалой степени была обусловлена высоким уровнем интеграции отечественной медиевистики того времени в европейскую науку, закономерным проявлением которой являлось традиционное завершение образования молодых специалистов из России в крупных университетах Европы. Такую школу прошли М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, А.Н. Савин. В разные годы, находясь в Англии, П.Г. Виноградов и А.Н. Савин познакомились с Ф.У. Мейтлендом и сохранили о нем память как об одном из блестящих знатоков истории права в Европе, тонком исследователе, энциклопедически образованном человеке. В английском Средневековье Ф.У. Мейтленда интересовали ключевые проблемы: развитие общинных и манориальных отношений, процесс градообразования и сущность города, конституционная и правовая история страны. Результаты изучения Ф.У. Мейтлендом этих проблем буквально опрокинули устоявшиеся в европейской медиевистике представления и имели широкий резонанс. Есте-

венно, что личность британского историка, «ниспровергателя господствовавших теорий», его труды не могли не привлечь внимания российских коллег современников. Сравнительно поздно пришедший в науку, в возрасте 34 лет, Ф.У. Мейтленд за два с небольшим десятилетия стал ученым европейского масштаба, автором более ста оригинальных исследований, известным публикатором памятников английского средневекового права, почетным доктором ряда крупных университетов.

В отечественную медиэвистику имя Ф.У. Мейтленда пришло благодаря П.Г. Виноградову и А.Н. Савину. Вышедшие из-под их пера некрологи⁶, посвященные памяти Ф.У. Мейтленда, стали практически первыми историографическими источниками в отечественной науке о родоначальнике критического направления в Англии. Несколькими годами ранее, в 1900 г., А.Н. Савин написал о Ф.У. Мейтленде обширную статью с характерным названием «Английский юрист в роли историка»⁷, положившую начало знакомству русской интеллигенции с творчеством британского ученого. Обращает на себя внимание деликатность изложения материала, почтительный тон, сочетающий глубокий научный анализ исторических, политических, религиозных взглядов Ф.У. Мейтленда, его пути в науку с характеристикой методики работы с источниками, кругом научных интересов, творческих контактов. С тех пор, вплоть до настоящего времени, ни один серьезный исследователь, специализирующийся в области средневековой истории Англии, не миновал наследия Ф.У. Мейтленда, используя введенные им в научный оборот источники, полемизируя с выводами его научных изысканий. Ссылки на фундаментальные труды Ф.У. Мейтленда «История английского средневекового права до конца XIII в.», «Книга Страшного Суда и то, что вне ее», «Сельская

община и город», «Конституционная история Англии» встречаются в работах по средневековой английской истории всех маститых отечественных историков⁸. Поэтому о Ф.У. Мейтленде неправомерно говорить как о «неизвестном» историке. Он, скорее, историк малоизученный и в силу этого обстоятельства мало знаком читательской аудитории в России за пределами узкого круга специалистов. Так было, когда А.Н. Савин в 1907 г. написал о Ф.У. Мейтленде статью: «Я боюсь, что очень немногие русские образованные люди слышали о Мэтланде. Я боюсь, что далеко не все читатели журнала станут читать статью о нем, когда услышат, что это был недавно умерший историк права, который почти всю свою жизнь отдал чистому знанию и занимался по преимуществу историей средневекового права. А между тем, я искренне думаю, что покойный историк средневекового английского права заслуживает внимания и памяти всех русских образованных людей, ибо своему предмету он сумел дать такой широкий захват и такую привлекательную постановку, при которых судьбы английского права приобретают живой интерес не только для ученых специалистов, но и для всякого образованного человека»⁹.

Почти столетие минуло с тех пор, но слова А.Н. Савина звучат по-прежнему актуально и в части высокой оценки наследия Ф.У. Мейтленда и, увы, в отношении его судьбы в исторической науке современной России¹⁰.

Причины профессионального «забвения» Ф.У. Мейтленда коренятся в историографической ситуации в отечественной исторической науке 1940 – начала 1990-х гг., отмеченной безраздельным господством материалистической монотеории истории, сформулировавшей специфические подходы к оценке наследия историков, далеких от интерпретации исторического прошлого в рамках заданной ею схемы. Так называе-

мая «буржуазная историография» и британская медиевистика как ее часть были подвергнуты тотальной критике с точки зрения ущербности общеисторических принципов и ошибочности результатов исследований, обусловленных перманентным кризисом буржуазного историзма и буржуазной исторической науки в целом.

Стандартизация мышления и исследований сопровождалась непримиримой борьбой с любыми проявлениями инакомыслия в отечественной исторической науке. Достаточно вспомнить оценку творчества Д.М. Петрушевского, единственного и самого позднего представителя критического направления в нашей медиевистике, которая породила в советской литературе конца 1940 – начала 1950-х гг. острые споры. Авторитета крупных советских историков – Е.А. Косминского, В.М. Лавровского, В.В. Стоклицкой-Терешкович, А.И. Неусыхина, учеников Д.М. Петрушевского – оказалось недостаточно, чтобы защитить учителя от нападков и обвинений в буржуазной сущности его методологических принципов¹¹. Хотя в целом ситуация в отечественной медиевистике в сравнении с другими областями исторического знания складывалась не самым худшим образом¹².

Опубликованное в середине 1970-х гг. фундаментальное исследование Е.В. Гутновой, одного из крупнейших советских медиевистов, «Историография истории средних веков»¹³ на долгие годы определило теоретико-методологические подходы к изучению зарубежной историографии в данной области и стало настольной книгой для нескольких поколений историков в нашей стране. Труд Е.В. Гутновой, содержащий многоуровневый анализ процессов эволюции исторической мысли в странах Европы и Америки, включая Россию, насыщенный информационно, во многом и сегодня не утратил своего научного значения.

На рубеже 1980–1990-х гг. в условиях начавшегося процесса перестройки советской исторической науки, обновления исторического мышления, стирания «белых пятен» на историографию возлагалась особая миссия. Была поставлена задача положить конец выполняемой ею информационно-библиографической функции¹⁴. Возникла потребность в переосмыслении основополагающих для исторической критики советского периода понятий «кризис буржуазной историографии» и «буржуазная историография». Историки осознали необходимость отказаться от концепции перманентного кризиса буржуазной историографии и признали, что в XX в. возможности ее развития далеко не исчерпаны¹⁵.

Плодотворным оказалось стремление обратиться к плюрализму взглядов и подходов¹⁶, умение принимать во внимание позиции ученых, принадлежащих к иным школам. Но «белые пятна» остались.

Нынешнее состояние отечественной исторической науки, переживающей стадию методологических исканий, переосмысления векового пути развития, подведения итогов, созвучно европейскому состоянию рубежа XIX–XX вв. В этой связи представляется, что глубже понять процессы, происходящие в современной российской исторической науке, возможно в том числе и посредством применения методики историографического прецедента, суждения по аналогии. В русле такой постановки вопроса опыт изучения британской медиевистики конца XIX – начала XX в. является весьма полезным и актуальным.

Несмотря на то что официальное давление на историческую науку снято как минимум полтора десятилетия назад, исчезло идеологическое табу, тем не менее изучение критического направления британской медиевистики в отечественной историографии осталось практически на прежнем уровне. Это свиде-

тельствует о том, что механическое дистанцирование от историографии советского периода на том лишь основании, что она опиралась на марксистскую методологию, не может решить имманентных проблем научного познания, ибо развитие исторической науки не определяется только сменой парадигм. Следовательно, истоки торможения в разработке интересующей нас темы коренятся и в причинах естественного свойства, в ряду которых наиболее значимыми видятся следующие. В первую очередь необходимо выделить исключительную сложность проблематики трудов Ф.У. Мейтленда, не переведенных на русский язык, широту исследовательского диапазона (аграрная история, история городов, история государственно-политических и правовых институтов, британской конституционализм), требующих комплексной подготовки историографа, который обязан свободно ориентироваться в вопросах не только английского средневековья, но и истории права, юриспруденции, экономики. Постигание глубины авторской позиции британского историка по каждой исследуемой проблеме существенно затруднено особенностями его индивидуального научного стиля: Ф.У. Мейтленд писал на языке Шекспира и как Шекспир¹⁷ академично, высокопрофессионально и вместе с тем с чувством чисто английского юмора о специфических особенностях и нюансах английского феодализма.

Полемическая направленность большинства работ Ф.У. Мейтленда, обилие имен исследователей, предшественников и современников, которым адресованы критика и доказательства британского историка, придают его трудам смешанный в жанровом отношении характер: конкретная история и история изучения вопроса в них слиты воедино, т.е. они и конкретно-исторические, и историографические одновременно, а сам Ф.У. Мейтленд предстает перед нами как

историк средневековой Англии и как историк науки об английском средневековье¹⁸.

Труды Ф.У.Мейтленда практически лишены нарратива. Они по существу аналитичны, содержат немало гипотез и представляют собой исследование ключевых периодов и проблем национальной истории эпохи средневековья, основанное на интерпретации юридических памятников, свидетельств воссоздаваемого им времени, многие из которых либо труднодоступны для современного историографа в силу лингвистической специфики оригинальных текстов, либо имеются лишь во фрагментах, что осложняет задачу выработки собственного мнения о степени объективности оперирования ими Ф.У. Мейтлендом¹⁹. И поэтому тоже Ф.У. Мейтленд – один из самых трудночитаемых британских историков XIX в. Но его эрудиция, литературный талант, манера излагать свою позицию – ироничная, стремительная, развенчивающая, разящая – завораживают и увлекают читателя. «Когда автор пишет о яркой и талантливой личности, он непременно в той или иной степени подпадает под ее обаяние, иначе быть не может»²⁰. Как исследователь Ф.У. Мейтленд обладал особым даром убеждать в правоте своих суждений. Он был мастером топики и был способен выстроить столь безупречную систему аргументации, что достоверными кажутся даже парадоксальные выводы. Так, рассуждая о корпоративной собственности средневековых горожан, он пришел к заключению, что они не владели иной собственностью, кроме городской печати²¹.

Таким образом, в силу ряда причин в отечественной историографии творчество Ф.У. Мейтленда и основанное им в Англии критическое направление не изучены. Историографическая судьба британского историка-юриста, внесшего столь весомый вклад в развитие медиевистики, к сожалению, не относится к

числу счастливых. Англоведы в долгу перед ним. Англо-американский характер критического направления после Ф.У. Мейтленда, до середины 30-х гг. XX в., и множественность сфер научной реализации «критической концепции» – аграрная история средневековья, урбанистика, история парламентаризма, конституционная история Англии – выводят задачу комплексного изучения наследия Ф.У. Мейтленда за пределы «периферийной» историографической проблемы и позволяют ей по праву занять надлежащее место в исторической науке XXI в.

По вполне понятным причинам зарубежная литература о Ф.У. Мейтленде, главным образом англоязычная, несравненно богаче и разнообразнее отечественной. Она представлена монографическими исследованиями, разделами в обобщающих трудах по историографии XIX в., мемуаристикой, статьями в периодике, обширной «некрологической» литературой, материалами в справочных изданиях. Многоплановая по характеру зарубежная историография бережно хранит память об ученом, труды которого определяли лицо британской исторической науки второй половины XIX – начала XX в. Ее отличительная черта – последовательное, преемственное внимание к наследию английского историка-юриста. В академических кругах интерес к Ф.У. Мейтленду и его исследованиям возник сразу же после публикации его первой серьезной работы «Pleas of the Crown for the County of Gloucester» в 1884 г., откликом на которую стала рецензия Ф. Поллока в «Law Quarterly Review» 1885 г. С тех пор вплоть до настоящего времени Ф.У. Мейтленд находится в поле зрения специалистов: первая публикация, посвященная ему, датируется 1885 г., последняя – 1999 г. и представляет собой сайт в Интернете, созданный потомками старинного рода Мейтлендов²².

Несомненно, это проявление признательности и востребованности наследия британского историка.

Обширное и многогранное научное наследие кембриджского историка Фредерика Уильяма Мейтленда в области изучения английской средневековой истории и английского средневекового права представляет эпоху в британской и европейской историографии XIX в. Мы лишь прикоснулись к нему.

Жизненный путь историка и юриста – достойный пример беззаветного служения науке, мужества, нравственности, человечности.

В течение двух последних десятилетий XIX в. Ф.У. Мейтленд создал новое критическое направление в национальной медиевистике и историческую школу критической герменевтики, которые определяли развитие науки о средневековье в Европе и США в 20–30-е гг. XX столетия.

Фундаментальные труды Ф.У. Мейтленда – «История английского права»²³, «Книга Страшного Суда и то, что вне ее»²⁴, «Сельская община и город»²⁵, «Конституционная история Англии»²⁶, «Каноническое право в Англии»²⁷ – содержали новую концепцию социальной и институциональной истории средневековой Англии и стали поворотным этапом в развитии медиевистики.

В историографии Ф.У. Мейтленд известен как институционалист, специалист высочайшей репутации в области истории английского государства и права эпохи средневековья и одновременно как историк идей. Подобная характеристика его наследия – лишь вершина айсберга, она сродни «открытому» тексту исторического источника, скрывающему мощный подтекст, расшифровка которого позволяет постичь его истинный смысл и глубину.

Институциональная концепция Ф.У. Мейтленда лежит в основе его парадигмы «другой» социальной

истории, сфокусированной на конкретных социальных общностях и людях, создававших эти институты и приводивших в действие их механизмы. Государственно-правовой истории английского средневековья был придан иной ракурс исследования – историко-антропологический, в формате которого и была осуществлена ревизия традиционной социальной истории. Мейтленд никогда не забывал, что законы, учреждения, идеи не существовали сами по себе, не имели самостоятельной жизни и развития в отрыве от человека, укорененного в определенной среде обитания. Право и религия, являвшиеся средневековыми универсалиями мировосприятия и менталитета, создавали ощущение упорядоченности, устойчивости, традиционности, непрерывности повседневной жизни, задавая ее алгоритм.

Социальная история Англии реконструировалась Ф.У. Мейтлендом через право, идею права, модель «правовой» личности, действия которой были подчинены жестким иерархическим стандартам и регламентировались правовыми обычаями, традициями, законами, применявшимися в королевской и сеньориальной судебной практике.

Право, материализованное в королевском законодательстве, охватывало все стороны жизни социума, регулировало деятельность человека, мотивировало индивидуальные и коллективные поступки и действия и, следовательно, выступало в качестве консолидирующего социального начала. Поэтому социальная жизнь человека английского средневековья не могла не задаваться нормами права: экономика, политика, повседневный уклад, этика и этикет феодальной эпохи генетически нормативны.

Об этом говорят юридические тексты, за строками которых отчетливо «виден» человек средневековья, специфика его мышления, особенности жизненного

уклада. Настаивая на первостепенной важности широкого использования сведений правовых памятников в реконструкции английской средневековой истории, необходимости вступления в диалог с людьми той эпохи по поводу социальной нормативности, Ф.У. Мейтленд предлагал свой вариант социальной истории, которая представляла людей того времени в системе жизненно важных для них отношений: вступления во владение земельным участком, наследования, дарения, решения судебных тяжб в сфере сеньориальной и королевской юрисдикции. Именно эти отношения составляли основу повседневного общинного, манориального, городского быта.

С этой точки зрения «юридический» взгляд Ф.У. Мейтленда на социальную историю Англии средневекового периода оказался исключительно плодотворным: увиденная им через призму права социальность обогатилась новыми гранями исторической действительности.

Историческое наследие Ф.У. Мейтленда оставило глубокий след в науке. Результаты его исследований с момента их публикации имели широкий резонанс, вызывали острый интерес и реакцию в академических кругах еще при жизни историка. После него, спустя столетие, они не стали изысканным предметом антиквариата. Десятки исследователей XX и XXI вв. находили и находят в наследии Ф.У. Мейтленда идеи, гипотезы, проблемы, темы для своих научных изысканий. Его труды пробуждают мысль, служат неиссякаемым источником вдохновения, открывают новые горизонты и перспективы творчества: «Истинное влияние Мейтленда и тогда, и сейчас – в его книгах и в указании дальнейшего направления исследования»²⁸.

Так, выводы Ф.У. Мейтленда о происхождении вилланов, общинах и манорах, индивидуальных кре-

стьянских хозяйствах и индивидуализме в эпоху раннего средневековья в Англии дали импульс длительной научной дискуссии между германистами и романистами, нашедшей отражение в работе Дж. Тирск²⁹, и вызвали к жизни появление исследований Т. Астона, С. Рейнолдс, А. Макфарлейна³⁰.

Ф.У. Мейтленд обладал удивительной способностью несколькими крупными штрихами очертить круг вопросов, которые впоследствии становились предметом специального изучения. Так, проблеме географического распределения богатства и системе его измерения в Англии XI в., обозначенной им в «Книге Страшного Суда и то, что вне ее», Г. Дарби и его коллеги посвятили в середине XX в. пятитомный труд, детализированный в более поздних работах³¹. Критика Ф.У. Мейтлендом грамот англо-саксонской эпохи нашла продолжение в исследовании Н. Брукса³².

Посвятив практически все свои труды истории феодальных отношений, Ф.У. Мейтленд, осознавая масштабность проблемы, считал преждевременным дать определение феодализму как системе³³, оставив широкое поле деятельности медиэвистам последующих поколений³⁴.

Метод критического анализа в сочетании с герменевтикой, доведенный Мейтлендом до совершенства, был признан моделью исследования и применен Дж. Мак Доналдом и Дж. Снуксом в процессе изучения экономики Англии XI в.³⁵

Отдельные тезисы и наблюдения Мейтленда предвосхитили ряд фундаментальных исследований XX в.³⁶

Замечания Мейтленда о необходимости выделения в отдельную концепцию публичного права в средние века было взято на вооружение Т.Ф.Т. Плакнеттом³⁷.

Идеи Мейтленда в области истории парламентаризма и конституционализма нашли развитие в тру-

дах историков критического направления – его последователей³⁸.

Разумеется, время внесло свои коррективы в интерпретацию отдельных проблем, трактовавшихся в эпоху Мейтленда иначе. И это естественно. Поэтому проблему обложения и взимания налогов в период раннего средневековья в Англии следует рассматривать в свете публикаций новейшего времени³⁹.

Проблема развития сеньориальной юрисдикции, приведшая, по мнению Ф.У. Мейтленда, к отчуждению королевских прав, в настоящее время нуждается в уточнениях, содержащихся в трудах Х. Кэм и Н. Харнард⁴⁰.

Знания о прошлом становятся все более совершенными. Каждое новое поколение историков причастно к этому в той или иной степени. Но ученые масштаба Ф.У. Мейтленда приходят раз в два или три поколения⁴¹ и как флагманы ведут за собой других, определяя вектор и пути достижения исторической истины. У них своя судьба и свое особое предназначение. Их заслуги в науке не поддаются пространственным и темпоральным измерениям.

Они живут столько, сколько читают написанные ими книги, открывают в них новые грани мысли и мастерства. Фредерик Уильям Мейтленд из этой звездной плеяды.

Современники и потомки Ф.У. Мейтленда дали высочайшую оценку ему как историку и засвидетельствовали признание его вклада в науку. «Мейтленд остался для нас историком, и это следует подчеркнуть сегодня. Он оставил послание, адресованное не только специалистам – профессионалам – студентам, преподавателям и исследователям истории, но всем, кто стремится осуществить взвешенный и здравомыслящий подход к прошлому»⁴².

Содержание апрельского номера журнала «Law Quarterly Review» за 1907 г. позволяет составить суждение о Ф.У. Мейтленде как ведущем научном авторитете в США, Франции, Германии, Италии. Выдающиеся судьи и исследователи права, романисты и германисты, специалисты в области обычного и канонического права, цивилисты и филологи объединились, чтобы поставить имя Ф.У. Мейтленда в первый ряд в изучении каждой из этих областей науки. «Мы признаем его как нашего учителя» (США). «Никто так не пролил свет на сущность феодализма» (Франция). «Его «Каноническое право» – золотая книга; его лекция по Возрождению 1901 г. – шедевр учености и гениальности» (Италия). «Он вывел Англию из изоляции, которая, несомненно, является блестящей, и погрузил ее в поток европейской мысли». «Он не только победил физический недуг благодаря своей энергии и искрометной веселости, но и завоевал глубокую симпатию как человек, широко смотревший на вещи» (Германия)⁴³.

«Мы можем с уверенностью сказать, что Мейтленд сохранит силу и влияние, тогда как иные, даже укрепившиеся на пьедестале, останутся только именами. Даже если все его теории будут преданы забвению, все позитивные результаты исторгнуты из текстов книг, он все равно останется как образец применения критического метода, стиля и интеллектуальности. Спустя столетие его имя будет стоять выше, нежели сегодня»⁴⁴. К этим словам признания едва ли можно что-либо добавить.

Примечания

¹ *Vinogradoff P. Frederic William Maitland // The English Historical Review. 1907. Vol. 22. № 85. January. P. 288.*

² *Шарифжанов И.И. Судьбы либеральной философии истории. Казань, 1989. С. 6.*

³ *Байрон Дж.* Дон-Жуан. Примечания Байрона к «Дон-Жуану». М.; Л., 1959. С. 532–533.

⁴ Там же. С. 338.

⁵ *Косминский Е.А.* Роль русских историков в разработке истории Англии // Проблемы английского феодализма и историография средних веков. М., 1963. С. 61.

⁶ *Vinogradoff P.* Op. cit.; *Савин А.Н.* Памяти Мэтланда // Русская мысль. М., 1907.

⁷ *Савин А.Н.* Английский юрист в роли историка // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1900. № 11, 12.

⁸ *Барг М.А.* Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962; *Виноградов П.Г.* Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911; *Савин А.Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903; *Косминский Е.А.* Исследования по аграрной истории Англии в XIII в. М.; Л., 1947; *Гутнова Е.В.* Возникновение английского парламента (Из истории английского общества и государства XIII в.). М., 1966; *Левицкий Я.А.* Город и феодализм в Англии. М., 1987 и др.

⁹ *Савин А.Н.* Английский юрист в роли... С. 80.

¹⁰ *Антощенко А.В.* Ф.У. Мэтланд о средневековом парламенте Англии // Политическая история и историография (от античности до современности). Петрозаводск, 1996. Вып. 2; *Савин А.Н.* Английский юрист в роли историка // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1900. № 11–12; Он же. Памяти Мэтланда // Русская мысль. 1907. Кн.10; *Сидорова Т.А.* Страницы творческой биографии Ф.У. Мэтланда. Казань, 1988. Деп. в ИНИОН АН СССР. 1988; Она же. Концепция английского средневекового города Ф.У. Мейтленда. Казань, 1990. Деп. в ИНИОН АН СССР. 1990; Она же. Ф.У. Мейтленд: становление историка. Казань. 1992. Деп. в ИНИОН АН СССР. 1992; Она же. Ф.У. Мейтленд и начало преподавания истории английского права в британских университетах XIX века // Прошлое и настоящее. Люди и время. Сочи, 2001; Она же. Ф.У. Мейтленд – исследователь конституционной истории Англии // *Clio Moderna.* Зарубежная история и историография. Казань, 2002. Вып. 3; Она же.

«Конституционная история Англии» и проблемы британской истории в наследии Ф.У. Мейтленда // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. Всерос. науч.-метод. конф. Сочи, 2002; Она же. Кембриджская историческая школа и «невидимый колледж» Ф.У. Мейтленда // Научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении: Матер. Всерос. науч. конф. РОИИ ИВИ РАН. Саратов, 2002; Она же. Фредерик Уильям Мейтленд: Историк в контексте времени. Казань, 2003.

¹¹ Средние века. М., 1946. Вып. 2; *Данилов А.И.* Эволюция идейно-теоретических взглядов Д.М. Петрушевского и некоторые вопросы историографии средних веков // Средние века. М., 1955. Вып. 6.

¹² *Хачатурян Н.А.* Современная медиевистика России в контексте мировой исторической науки // Средние века. М., 2001. Вып. 62. С. 199.

¹³ *Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков. 2-е изд. М., 1985.

¹⁴ *Касьяненко В.И.* Об обновлении исторического сознания // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 7.

¹⁵ *Согрин В.В.* Перестройка в исторической науке и диалог с зарубежной историографией // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., 1989. Вып. 1. С. 18.

¹⁶ Актуальные проблемы теории истории. Материалы «круглого стола» // Вопросы истории. 1994. № 6; *Смоленский Н.И.* Проблемы теоретического плюрализма // Новая и новейшая история. 1998. № 1.

¹⁷ *Vinogradoff P.* Op. cit. P. 281.

¹⁸ *Schuyler R.L.* F.W. Maitland Historian. Selections from his Writings. Cambridge, 1960. P. 27.

¹⁹ *Inquisitio Eliensis, Inquisitio Comitatus Cantabrigiensis, Leges Henrici, County Hidage, Burghal Hidage, Tribal Hidage.*

²⁰ *Петрушев А.И.* Новое издание о судьбах историков // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 169.

²¹ *Pollock F. and Maitland F.W.* The History of English Law before the Time of Edward I. Cambridge, 1923. Vol. 1.

P.656; *Maitland F.W. Domesday Book and Beyond*. Cambridge, 1921. P. 200.

²² A Short Account of the Maitlands of Lauderdale// <http://www.Clanmaitland.Org.UK/NEWOrigins.Htm>.

²³ История английского права» является классическим трудом по английской правовой истории в течение более чем полувека. *Schuylar R.L. The Historical Spirit Incarnate: Frederic William Maitland //The American Historical Review*. 1952. Vol. 57. № 2. January. P. 307.

²⁴ «Спустя 90 лет “Книга Страшного Суда и то, что вне ее” остается величайшей и единственной книгой по английской средневековой истории. Это памятник и свидетельство высочайшего достижения, достойного восхищения и тщательного изучения» *Holt J.C. Foreword. Domesday Book and Beyond. Three Essays in the Early History of England*. Cambridge, 1987. P. 5.

²⁵ «Эта книга должна стать моделью истинного метода исследования локальной истории» *Smith A.L. Frederic William Maitland. Two Lectures and Bibliography*. Oxford, 1908. P. 55.

²⁶ «Конституционная история Англии» Мейтленда – бестселлер на протяжении 40 лет» *Hollond H.A. Frederic William Maitland. A Memorial Adress. Selden Annual Lecture 18-th March., 1953. L., 1953. P. 16.*

²⁷ «Каноническое право – золотая книга» – *Smith A.L. F.W. Maitland. Two Lectures and Bibliography*. Oxford, 1908. P. 56.

²⁸ *Bell H.E. Maitland F.W. A Critical Examination and Assessment*. Cambridge, 1965. P. 11–12.

²⁹ *Thirsk J. The Common Fields// Past and Present*. 1964. № 29.

³⁰ *Aston T.H. The Origins of the Manor in England // Royal Historical Society*. 1958. 5-th Ser. 8; *Reynolds S. Kingdoms and Communities in Western Europe. 900–1300*. Oxford, 1984; *Macfarlane A. The Origins of English Individualism*. Oxford, 1978.

³¹ *Darby H.C. and others. The Domesday Geography of England*. 5 Vols. Cambridge, 1954–1967; *Darby H.C. Do-*

mesday England. Cambridge, 1977; *Darby H.C.* and *Versey Q.R.* Domesday Gazetteer. Cambridge, 1975.

³² *Brooks N.* Anglo-Saxon Charters: the Work of the Last 20 Years // Anglo-Saxon England. 3. 1974.

³³ «День для художественно соразмеренной картины развития феодализма еще не пришел; день для количественного анализа элементов феодализма может никогда не наступить» *Maitland F.W.* Domesday Book and Beyond. Cambridge, 1897. P. 221.

³⁴ *Stenton F.M.* The First Century of English Feudalism. Oxford, 1932; *Brown R.A.* Origins of English Feudalism. L., 1973; *Le Patourel J.* The Norman Empire. Oxford, 1976.

³⁵ *Mac Donald J.* and *Snooks G.D.* Domesday Economy. Oxford, 1986.

³⁶ *Postan M.M.* The Chronology of Labour Services // Royal Historical Society. 1937. 4-th Ser. 20; *Kosminsky E.A.* Studies in the Agrarian History of England in the 13-th Century. Oxford, 1956; *Stenton F.M.* The Danes in England // Proc. British Academy. 13. 1927; *Davis R.H.C.* East Anglia and the Danelaw // Royal Historical Society. 1955. 5-th Ser. 5; *Torne S.E.* English Feudalism and Estates in Land // Cambridge Law Journal. 1959; *Holt J.C.* Politics and Property in Early Medieval England // Past and Present. 1972. № 57; *Milsom S.F.C.* The Legal Framework of English Feudalism. Cambridge, 1976.

³⁷ *Plucknett T.F.T.* The Lancastrian Constitution. Tudor Studies. Ed. R.W. Leton-Watson, 1924; Legislation of Edward I. 1949.

³⁸ *Mcjlwain Ch.H.* The High Court of Parliament and its Supremacy. New Haven, 1910; *Adams J.B.* The Origin of the English Constitution. New Haven, 1912; *Baldwin J.W.* The King's Council in England during the Middle Ages. Oxford, 1912; *Pollard A.F.* The Evolutim of Parliament. L., 1920; *Richardson H.G.* and *Sayes G.O.* The Early Records of the English Parliament. Bulletin of the Institute of Historical Research. V., 1927–1928; *Richardson H.G.* and *Sayles A.O.* The King's Ministers in Parliament. 1271–1377 // The English Historical Review. 46. 1931; *Wilkinson B.* Studies in the Constitutional History of the Thirteenth and Fourteenth

Centuries. Manchester, 1937; *Wilkinson B.* Constitutional History of England 1216–1399. L., 1948; *Wilkinson B.* The «Political Revolution» of Thirteenth and Fourteenth Centuries in England // *Speculum*. 1949. № 4.

³⁹ *Hart C.R.* The Hidation of Huntingtongshire // Cambridge Antiquarian Society. 1968. 41; *Hart C.R.* The Hidation of Northamptonshire. Leicester, 1970; *Sally P. J. Harvey.* Domesday Book and Anglo-Norman Governance // Royal Historical Society. 1975. 5-th Ser. 25; *Sawyer P.* Domesday Book: a Reassessment. L., 1985; *Holt J.C.* Domesday Studies. Woodbridge, 1987.

⁴⁰ *Cam H.M.* The Evolution of the Medieval English Franchise // *Speculum*. 1957. № 32; Naomi D. Hurnard. The Anglo-Norman Franchises // *The English Historical Review*. 1949. № 44.

⁴¹ *Pollock F.* Frederic William Maitland // *The Quarterly Review*. № 411. April. 1907. P. 403.

⁴² *Schuyler R.L.* The Historical Spirit Incarnate: Frederic William Maitland // *The American Historical Review*. Vol. LVII. № 2. January. 1952. P. 303.

⁴³ In Memoriam. F.W. Maitland. By O.W. Holmes // *The Law Quarterly Review*. April. 1907.

⁴⁴ *Smith A.L.* Op. cit. P. 57.

Е.Н. Мурзанаева

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ АНТИКОВЕДОВ в конце XIX – начале XX в.

Российские ученые, философы и деятели культуры понимали античность как действенную систему актуальных художественных и социальных ценностей, необходимую в развитии современной жизни и культуры России, и они часто обращались к античным сюжетам, к её архетипам вечности. Выдающиеся антиковеды Ф.Г. Мищенко, В.И. Модестов, Ф.Ф. Зелинский и другие стремились своей просветительской деятель-